

С трудом миновав все повороты извилистой дорожки, они наконец оказались перед роскошным особняком. У входа буйно цвели кусты китайских роз и форзиции, целые гроздья пестрых цветов распустились пышным цветом. Едва переступив порог, уже ощущался свежий сладкий аромат.

Войдя в главные ворота, они увидели совсем другой пейзаж, изысканный и утонченный. В углу двора виднелась круглая арка, у которой стояли две служанки. Увидев приближающихся, они отодвинули занавесь из стеклянных бус, и перед глазами открылась дорожка, устланная богатым темно-синим ковром с узорами цветов и птиц, ведущая вглубь дома, словно в черную бездну. У Су Лина по спине пробежал холодок. Видя, как Люхэ шагнула внутрь, он лишь сжал губы и продолжил путь.

Поместье Су принадлежало к знатному роду, и здесь не обошлось без роскоши, особенно в покоях старшей госпожи. Даже несмотря на страх, который Су Лин испытывал, он не мог не ощутить великолепие этого места.

Мебель из красного дерева, коралловые украшения, дорогие вазы — всё было расставлено с изяществом, создавая атмосферу, совершенно отличную от жизни бедняков.

После долгого пути через множество переходов они наконец добрались до внутренних покоев.

Внутри находились две служанки, чей наряд и убранство отличались от Люхэ, будучи гораздо более роскошными. Одна из них открывала золотой курильник, украшенный резьбой в виде ушек тигра и инкрустацией из цветного нефрита, и подсыпала внутрь ароматический порошок, в то время как другая, держа в руках метелку, прибиралась на столе. Увидев, что Люхэ привела Су Лина, они прекратили свои дела и отложили предметы в стороны.

Выражение презрения на лице Люхэ исчезло, сменившись на радостное и льстивое.

— Чуньсяо, Цючань, сестрицы, я привела его.

Служанка с метелкой ответила:

— Ступай.

Люхэ сделала поклон, повернулась и, бросив злобный взгляд на Су Лина, ушла своей дорогой, чуть не сбив его с ног.

Две служанки, увидев, что Су Лин стоит в растерянности, не обратили на него никакого внимания, лишь встали по обе стороны стола. Су Лин не осмелился заговорить, опустив руки и голову, и уставился на свои ноги.

Неизвестно, сколько времени он простоял так, но голова начала кружиться. Это тело было слабым от рождения, и долго стоять на ногах он не мог. Перед глазами начали мелькать черные пятна, и он судорожно уцепился за бедро, чтобы не упасть в обморок, стиснув зубы и продолжая стоять.

Примерно через время, необходимое для сгорания одной благовонной палочки, в ушах раздался мелодичный звон, и занавесь из бус снова отодвинулась. В комнату вошла знатная дама в длинном халате из белой шёлковой ткани с узорами, накинутом поверх темно-фиолетовой накидки с широким вырезом, расшитой золотыми нитями. Её высоко уложенные волосы и ухоженное лицо дополняли холодные глаза, которые скользнули по комнате с едва заметной усмешкой на тонких губах.

Легким взмахом длинного рукава она опустилась в кресло с изображением летящего феникса, а служанка по имени Чуньсяо тут же подала ей подогретый ароматный чай.

Госпожа окинула комнату пронизательным взглядом, и в помещении воцарилась гробовая тишина. Слуги явно боялись её. Взяв чашку, она взглянула внутрь, и лицо её мгновенно исказилось от гнева.

— Непонятливые твари! В такую жару с какой стати пить эту дрянь, от которой весь пот прошибает!

Чуньсяо в страхе упала на колени.

— Простите, госпожа, смилуйтесь. Хоть на дворе и жарко, я сначала хотела подать холодную лапшу или миндальное молоко, но в последнее время у вас желудок беспокоит. Чуньсяо от себя решила подать этот чай «Маоцзянь, собранный перед дождем». Этот «Маоцзянь» господин специально недавно наказал чайному торговцу из Хуаси заготовить для вас, он очень полезен для желудка. Господин не дал его никому другому, даже старой госпоже, только вам одной.

Эти слова были произнесены с дрожью, но в них было сказано всё, что любила слышать госпожа. Выслушав, она осталась довольна, лишь фыркнула и разрешила Чуньсяо встать.

— Ладно, ты старалась, встань.

Чуньсяо в душе облегченно выдохнула и поднялась. Остальные служанки и прислужницы тоже вздохнули с облегчением. Госпожа была переменчива в настроении, и часто можно было нечаянно её обидеть за какие-то мелочи, за что можно и поплатиться. Каждый чувствовал себя, будто ходит по тонкому льду, и только такие, как Чуньсяо, давно находившиеся рядом с госпожой, умели угождать этой хозяйке дома.

Су Лин был напуган этой сценой, сердце его бешено колотилось. В душе он испытывал страх перед этой женщиной, которая была его матерью лишь номинально. Вдруг он вспомнил правила этикета, хранящиеся в памяти, и подумал, что эта госпожа обязательно найдет повод для придирок, чтобы устроить скандал. Ему нельзя было давать ей лишнего повода, поэтому он сложил руки и почтительно опустился на колени.

— Ре... ребенок приветствует матушку.

Прошло много времени, но он так и не услышал, чтобы госпожа разрешила ему встать. Су Лин не смел подниматься по своей воле.

Старшая госпожа неспешно пила свой «Маоцзянь, собранный перед дождем», а служанка рядом тихо обмахивала её круглым веером. Она словно не замечала Су Лина, коленапреклоненного внизу, и лишь осторожно сдувала белый пар, поднимающийся от чашки.

— Чуньсяо, твоё искусство заваривания чая улучшилось.

У Чуньсяо был гибкий ум, она понимала мысли госпожи и ответила на её слова:

— Раз госпожа любит, я не смею быть грубой и подавать вам какую-то ерунду. Это мастерство...

Затем Чуньсяо подробно рассказала госпоже о сборе и обработке чайных листьев «Маоцзянь, собранного перед дождем», вплоть до того, как промывать чай и как его заваривать.

Тело Су Лина и так было слабым, а теперь он стоял на коленях. Онемение медленно пропитывало колени, и он чувствовал себя ужасно. Чуньсяо уже давно говорила без умолку, но не собиралась останавливаться, и Су Лину приходилось терпеть.

Эта боль была лишь началом.

В голове Су Линга всплыл образ маленького крестьянского домика у подножия горы, и на мгновение он погрузился в забытие.

Прошло еще много времени, Чуньсяо уже с жаром рассказывала о разнице во вкусе чая при заваривании водой разного качества. Вдруг раздался глухой звук — Су Лин, не выдержав больше, обмяк и упал набок.

Госпожа наконец отвлеклась от Чуньсяо, которая вовремя замолчала. Взгляд госпожи скользнул по Су Лину, sprawled на полу, и она усмехнулась.

— Притворяется мертвым.

Она швырнула чашку, которая с силой ударила Су Лина по голове. Сознание Су Лина уже помутилось, но от резкой боли он вдруг резко пришел в себя. Чай пролился ему на голову и лицо, капая на пол, — зрелище было жалким.

На лбу начал наливаться большой синяк — то самое место, куда попала чашка.

Су Лин сдержал подступившие слезы, лишь дрожа, лежа на полу.

Госпожа встала и шаг за шагом спустилась к нему, остановившись прямо перед ним. Носком бархатных туфель с вышитым летящим фениксом она подхватила его за подбородок, заставляя поднять голову. Госпожа смотрела на дрожащего Су Лина сверху вниз, словно на ничтожное насекомое.

— Ты, в чем провинился?

У старшей госпожи Су, урожденной Чжоу, фамилия была Чжоу.

Фамилия Чжоу в Наньчэне была весьма распространенной, почти каждый десятый житель носил её. Много людей — не редкость, но стоило в Наньчэне упомянуть ткацкую мануфактуру клана Чжоу, и это имя было на слуху у каждого.

Ведь половина всех шёлковых тканей Южного государства производилась именно семьей Чжоу из Наньчэна. Если их богатство и не сравнивалось с казной государства, то вес их слов был таков, что даже министры при дворе обязаны были считаться с ними.

Это стало возможным благодаря мудрому правлению нынешнего императора. Взойдя на трон в юном возрасте, он прошел через гражданские войны, казнил мятежников и не унаследовал от предков их страсти к завоеванию новых земель. Также он не продолжил политику подавления торговли в пользу сельского хозяйства. Напротив, уделяя внимание земледелию, он издал ряд указов, способствующих развитию частной коммерции. Поэтому, хотя с момента окончания войн прошло всего около десяти лет, народные рынки уже процветали. Торговля, ранее считавшаяся низменным занятием, теперь совершила рывок вверх и стала опорой налогообложения Южного государства, придав ему импульс развития, напоминающий времена основания династии.

Именно в таких благоприятных условиях разбогател клан Чжоу из Наньчэна. Начав с маленькой мастерской, за десять с лишним лет они разрослись, пуская глубокие корни и широкие ветви, имея все предпосылки для взлета.

Однако, хотя ткацкая мануфактура клана Чжоу была безусловным лидером в Наньчэне, сама прямая линия потомков господина Чжоу была не слишком многочисленна. У господина Чжоу был только сын и дочь. Сын с рождения был слаб здоровьем, и его жизнь поддерживали лишь лекарства и отвары — о продолжении рода мечтать не приходилось. Дочь же обладала сильным характером, с детства была дерзкой и непослушной, и никто не мог с ней справиться. Она заявила, что выйдет замуж за бедного ученого, и вот-вот должна была это сделать, не оставляя места для переговоров.

Да, дочь господина Чжоу — это и есть нынешняя старшая госпожа Су, госпожа Чжоу, а тот самый бедный ученый — нынешний глава дома Су, Су Хуаньчжи.

<http://bllate.org/book/16679/1530412>